

Овчарова Светлана Владимировна, Скворцова Мария Львовна

ОТЧУЖДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В РОМАНЕ Ф. ФЮМАНА "ПРОМЕТЕЙ. БИТВА ТИТАНОВ": ЦЕЛЬ, СРЕДСТВА И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

В статье исследуется феномен отчуждения личности в обществе на примере романа малоизвестного в отечественном литературоведении немецкоязычного автора Ф. Фюмана "Прометей. Битва титанов" (1974). Автор подчёркивает актуальность данной проблемы в современном обществе и акцентирует внимание на особенностях её реализации в образе главного героя романа - Прометея, что становится возможным в результате анализа психологической составляющей феномена отчуждения. В ходе работы выявляются цели использования эффекта отчуждения в романе, художественные средства, позволяющие писателю достичь поставленных целей, а также предлагаемые им пути преодоления отчуждения личности в обществе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/7-2/6.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 7(61): в 3-х ч. Ч. 2. С. 25-29. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

5. Никифоров А. И. К вопросу о морфологическом изучении народной сказки // Никифоров А. И. Сказка и сказочник / сост., вступит. ст. Е. А. Костюхина. М.: ОГИ, 2008. С. 313-318.
6. Пропп В. Я. Фольклор и действительность // Пропп В. Я. Фольклор и действительность: избранные статьи. М.: Наука, 1976. С. 83-115.
7. Сравнительный указатель сюжетов: восточнославянская сказка / сост.: Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 438 с.

THE LAW OF CHRONOLOGICAL INCOMPATIBILITY IN A FAIRY TALE

Ivashneva Lidiya Leonidovna, Ph. D. in Philology
Astrakhan State University
kafruslit@mail.ru

The article considers the manifestations of the folklore law of incompatibility of simultaneous plot actions of characters in various topoi. Such single-line nature of the composition doesn't assume the parallelism of plotlines. However, in separate fairy types about two and more brothers-heroes the transformation of an invariant scheme is detected. The analysis of a fairy tale with three main characters and independent plotlines is proposed as an example. The peculiarity of the text structure is created by the narrator on the traditional basis. The contamination of fairy tales contributes to a more complete illustration of their characters.

Key words and phrases: composition; chronotopos in a fairy-tale; principle of single-line nature; structural parallelism; transformation; creative personality of a narrator.

УДК 8; 821.112.2

В статье исследуется феномен отчуждения личности в обществе на примере романа малоизвестного в отечественном литературоведении немецкоязычного автора Ф. Фюмана «Прометей. Битва титанов» (1974). Автор подчёркивает актуальность данной проблемы в современном обществе и акцентирует внимание на особенностях её реализации в образе главного героя романа – Прометея, что становится возможным в результате анализа психологической составляющей феномена отчуждения. В ходе работы выявляются цели использования эффекта отчуждения в романе, художественные средства, позволяющие писателю достичь поставленных целей, а также предлагаемые им пути преодоления отчуждения личности в обществе.

Ключевые слова и фразы: отчуждение личности; противоречие; деформация властных структур; манипулирование; психологизм; позиция наблюдателя; изоляция.

Овчарова Светлана Владимировна, к. филол. н.

Скворцова Мария Львовна, к. филол. н., доцент

Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова
alexis-1@yandex.ru; mskvor@mail.ru

ОТЧУЖДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В РОМАНЕ Ф. ФЮМАНА «ПРОМЕТЕЙ. БИТВА ТИТАНОВ»: ЦЕЛЬ, СРЕДСТВА И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Феномен отчуждения личности достаточно широко известен в истории мировой философской и литературной мысли. Впервые к этой проблеме обращаются в XVII веке на фоне заметной интенсификации социокультурного развития и общего уровня зрелости основных государственных и общественных институтов. Одними из первых на феномен отчуждения обращают внимание английский философ Т. Гоббс [4]; немецкий поэт, философ и драматург И. Ф. Шиллер [21]; представители немецкой классической философии И. Г. Фихте [15], Ф. В. Шеллинг [20], Г. В. Гегель [3], Л. Фейербах [13]. Позднее различные аспекты данного феномена исследовались также в работах Э. Дюркгейма [7], О. Шпенглера [22], М. Вебера [2], Г. Зиммеля [8], А. Швейцера [19], В. А. Соловьёва [12], С. Л. Франка [16], К. Ясперса [23], Ж.-П. Сартра [11], Э. Фромма [17], Г. Маркузе [10], Х. Арндт [1] и др. Учитывая столь серьёзную исследовательскую базу проблемы, нужно отметить, что феномен отчуждения личности не только не утрачивает свою актуальность в современных условиях, но и становится «одним из ключевых понятий в характеристике взаимоотношений человека и общества» [9, с. 1].

Отчуждение в философской науке понимается как «объективный социальный процесс, присущий классово антагонистическому обществу и характеризующийся превращением деятельности человека и её результатов в самостоятельную силу, господствующую над ним и враждебную ему» [14, с. 472]. Отчуждение имеет целый ряд причин и, соответственно, может проявляться в различных формах. В самом общем случае оно находит своё выражение в «господстве овеществленного труда над трудом живым, в превращении личности в объект эксплуатации и манипулирования со стороны господствующих социальных групп и классов, в отсутствии контроля над условиями, средствами и продуктом труда» [Там же]. Весомой составляющей феномена отчуждения является его психологический аспект – отражение и преломление состояния отчуждения, отверженности в сознании индивида, а именно, «разрыв между ожиданиями, желаниями человека и нормами, предписываемыми антагонистическим социальным порядком, восприятие этих норм как чуждых и враждебных личности, чувство изоляции, одиночества, разрушение норм поведения и т.п.» [Там же].

Проблема несоответствия желаемого и действительного не могла не заинтересовать немецкого писателя, литературоведа второй половины XX века Ф. Фюмана (1922-1984). Германия послевоенного периода всеми силами стремилась к построению своего нового будущего. Ф. Фюман, вернувшийся в 1949 году из плена и перешедший с позиций немецкого национализма на путь социалистического строительства, искренне разделяет общий порыв. Решение покончить с прошлым было непростым и осознанным, оно сопровождалось ломкой всего мировоззрения будущего писателя. Но в действительности оказалось, что суть происходящих изменений в обществе не вполне соответствовала его запросам как мыслящего человека и писателя. Его смущали «отсутствие диалектики, одномерность видения современного мира и внутренних противоречий», по его собственному признанию, он «жил иллюзией, что вхождение в новое общество равносильно вступлению в царство абсолютной справедливости, человечности, демократии...» [5, с. 8]. Фюман настойчиво ищет своё место в обществе и литературном творчестве. Он размышляет, наблюдает за происходящим со стороны, а всякое наблюдение подчиняется цели достичь глубокого знания (и самопознания) и переоценить несоразмерные нашей жизни типы поведения и явления критики. Правда, с другой стороны, нельзя оспаривать и тот факт, что у наблюдателя формируется иное отношение к действительности, нежели у того, кто активно старается повлиять на происходящее.

Описанное стечение обстоятельств – индивид в едва ли преодолимом противостоянии по отношению к обществу – вновь и вновь находит своё отражение в творчестве писателя. Наглядным и наиболее показательным примером воплощения данной тематики является мифологическое произведение Ф. Фюмана – его роман «Прометей. Битва титанов» (1974). Феномен отчуждения личности реализуется на страницах романа в образе титана Прометея. Способ введения любой литературной фигуры в произведение, даже если это происходит ненавязчиво, решающим образом влияет на её развивающееся своеобразие. Фигура Прометея с самого начала выдвигается на передний план повествования. «Прометей» – так представляет его автор – «по нраву своему и повадкам разительно отличался и от брата, и от прочей родни» [18, с. 172]. Так, с самого начала, намечена перспектива его существования: он – «другой», он чуждый окружающим, он олицетворяет всё иное по отношению к миру титанов, которому принадлежит от рождения.

Как только появляется случай, Прометей всегда летит вниз, на землю, чтобы заниматься там тем, что его брат Эпиметей называет «безрассудным и бесполезным» и «поэтому только качает головой, глядя на него», а Кронос, властитель мира титанов, запретил «носиться взапуски с ветром и при этом орать во всё горло, хохотать и петь». В мире титанов не в чести душевные порывы, здесь пресекаются любые проявления эмоций, шум, детский плач. Основной закон этого мира гласит: «Всё это хорошо! Так пребудет во веки веков!» [Там же, с. 171]. Состояние, в котором пребывает этот мир, осмысливается и в перспективе переносится на будущее. Неестественный, «неживой» мир титанов, в котором ничего не происходит и не меняется, не может породить прообраз будущего. Очевидно, что характер традиционного материала вызывает неприятие у автора. Он вносит изменения, с помощью которых в изображаемый мир проецируются противоречия, изначально в его сущности не заложенные, но потенциально способные стать механизмом будущего развития. В застывший, неподвижно-мёртвый мир титанов приходит существо, одновременно принадлежащее и не принадлежащее этому миру. Живой, наивный характер проявления Прометеем его сущности, тесная, страстно желаемая им взаимосвязь с элементами природы вместе с естественной красотой этой природы, которую можно обнаружить только на земле: именно в этом нам открываются истоки его чуждости, его сущности как «другого». Прометей – единственный из титанов, чувствующий себя связанным с землёй: его братья и сёстры забыли Гею «вспорождающую носительницу всех живых существ» [Там же, с. 173] и, тем самым, лишили естественной составляющей своей сути.

Первая встреча с Геей имеет решающее значение для Прометея. Именно Гея в собственном смысле слова открывает невосприимчивые глаза титана на величие земного мира. Прометей, жаждущий знать и видеть, просит Гею дать его глазам особую силу, благодаря которой они будут способны прозреть то, чего до этого не воспринимали. Его лишённые зоркости глаза отныне получают возможность воспринимать всё «мелкое и утончённое» [Там же]. Более того, зрение его становится настолько острым, что «разрушает все преграды, даже границу времени» [Там же, с. 177]. Речь идёт об особой способности Прометея «видеть будущее», но видеть лишь до того самого момента, когда оно будет зависеть от принятого субъектом решения. Эта способность, наиболее полно характеризующая образ героя, на протяжении всего произведения соседствует со стремлением к познанию и бесстрашием, наблюдением и размышлением. Поначалу Прометей довольно пассивен и покорен судьбе. Наблюдающим, предпринимающим вялые попытки прояснить положение вещей и разрешить всё в уме, покорным – именно таким предстаёт он перед читателем в ситуациях, которые явно содержат в себе зачаток будущих перемен, ломки происходящего. Прометей настаивает на своей роли всё воспринимающего, взвешивающего и наблюдающего, однако постепенно из «тени, стоящей в стороне» [Там же, с. 181], вырастает главное действующее лицо будущего переворота.

Прометей не просто воспринимает окружающее, он воспринимает его с наслаждением. На передний план выносятся не история развития сознания индивида, а способ «как нужно жить», т.е. акцентируется отношение к имеющейся действительности. Начало развития, открытого для освоения доселе непознанных сфер действительности, и которое очевидно грозит взорвать сложившиеся традиции, можно считать психологизацией смысла произведения, когда важнейшее значение отводится чувствам и чувственно-мотивированному восприятию, чего так не достаёт окружающему миру титанов.

Ещё до рождения Кроноидов Прометей предвидит будущую битву богов с титанами, и в то время как Кронос объявляет о своём вечном и нерушимом порядке, он уже знает об опасности, угрожающей этому миропорядку. Но исход битвы Прометей увидеть не может: «На этом месте картины стали такими насыщенными, что глазам стало нестерпимо больно» [Там же, с. 180]. Поскольку требуется его собственное решение а, следовательно,

и действия, заглянуть в будущее уже невозможно. Рубеж, к которому Ф. Фюман подводит своего героя, требует от него решения, позволяющего либо приспособиться к власти, бесстыдные, эгоистичные намерения которой выражены вполне однозначно; или же выступить против неё с твёрдым убеждением строить свою жизнь в соответствии с собственными познаниями и стремлениями. Прометей пока недостаточно решителен и энергичен, чтобы суметь утвердить себя в эти тяжёлые переломные времена. Однако чувство вины за свой возможный отказ действовать, за своеобразное «отступление» приходит не извне, оно коренится в нём самом. Кажущийся естественно заложенным природой вечный порядок Кроноса имеет право на существование, но одновременно он уже мёртв и несправедлив, так что неповиновение ему становится обязанностью. Вследствие этого решения, направленного против Кроноса, и в связи с существованием готового к борьбе Зевса имеются в наличии все предпосылки для восстания против титанов.

Последовательное описание в романе крушения титанов, возникновения царства богов во главе с Зевсом и их оценка ставят вопрос историко-философского характера. Провозглашение господства богов не является новым этапом развития. Зевс олицетворяет преемника и гаранта всё той же властной структуры Кроноса, хоть и не лишённого при этом некоторых демократических устремлений. Но и эти благие намерения большей частью оборачиваются банальным пустословием и лицемерием. Дальнейшее же перерождение власти Зевса в деспотизм и недовольство этим Прометей в определённой степени отражают реальную деформацию властных структур в социалистической практике и крушение радужных иллюзий послевоенного времени.

Мотивы свержения правителя, перенятые Зевсом у Прометей, становятся базисом, удобным для маскировки «новой» формы правления. Само же восстание быстро перерастает в стратегию обновлённого единоличного господства. Фактически, Зевс правит не в соответствии с демократическими принципами, а под прикрытием демократии. Его победа символизирует известную противоречивость прогресса в классовом обществе, перерождение свободы в деспотизм. До битвы титанов Прометей и Зевс равны, «ясновидящий и оборотень» [Там же, с. 203] олицетворяют собой шаткий союз духа и власти, но уже перед победой богов положение резко меняется. Дух и власть начинают расходиться, тем более, что условия для конфронтации налицо – Зевс уже отличает себя как «сына правителя», от Прометей – «сына обыкновенного титана» [Там же, с. 202].

Прометей рано разгадывает суть поведения Зевса, которую скорее нужно признать не воплощением, а противоположностью «братства». Вскоре после того, как заключён союз между Зевсом и Прометеем, рассказчик резюмирует: «Прометей не очень-то нравились шутки его нового друга, однако он молчал, чтобы не поставить под угрозу только что заключенный союз» [Там же, с. 204]. Такую же позицию герой занимает и в дальнейшем. В то время как Зевс, упиваясь своим триумфом, творит произвол, мы наблюдаем абсолютно беспомощное подчинение Прометей происходящему. Даже когда сами божества, братья и сёстры Зевса, единодушно выступают за свержение единовластия Зевса, Прометей упорно придерживается ранее сформированного им убеждения: он надеется, что благоразумие самодержца возьмёт верх, и произойдут положительные перемены. В итоге Прометей оказывается отверженным по причине своей крайней нерешительности, основанной на далёкой от реальности вере в добродетель Зевса. Но эта слепая вера, в конце концов, приводит его к одиночеству.

Изошрённому в искусстве лжи и манипулирования окружающими Зевсу не составляет труда провести Прометей, перехитрить его с помощью договора, который удаляет титана из царства богов.

Отныне Прометей должен будет проводить свою жизнь там, где состоялось её многообещающее начало: на земле. Благодаря следующим строкам, читатель близок к рассуждению об окончательном поражении титана, о том, что власть Зевса, т.е. власть происходящего, суть которого Прометей так и не смог постичь разумом, наконец, уничтожила его: «Теперь я совсем одинок, – думал Прометей... – Что мне делать? Лучше всего мне пойти к моим братьям и сёстрам... и вместе с ними грешить о прошлом» [Там же, с. 282]. Его изоляция, его обособленность свершились: все боги прогнали его из своих владений и отвернулись от него.

Сложившаяся ситуация подводит Прометей к мысли о создании некоего «противопоставления» окружающему миру. «Несправедливой системе» (царства Кроноса, Зевса) должна противостоять новая «система права» (абстрактного сознания). Но так как Прометей со своим сознанием права по ходу действия лишь закономерно оказывается в тотальной изоляции, он создаёт себе свой собственный «контрмир» – мир людей: «Мы отыщем остров в Южном море и там построим наше царство. В нём будут властвовать любовь и справедливость. Это будет остров блаженных» [Там же, с. 285]. Сотворение человека – по своему образу и подобию – это своего рода «Прометеевский» героизм и гордость. Возможность начать всё сначала и вырваться из плена одиночества даёт титану шанс, использование которого может открыть перед ним перспективу радикальных перемен.

Эффект отчуждения личности, реализованный автором в романе, целенаправленно работает на осознание и выработку главным героем стратегии самоосуществления своего «я» в обществе, которое, в свою очередь, стремится подчинить процесс реализации данной стратегии своим нуждам. Ситуация отстранённости позволяет оттенить негативные стороны личности и общества, осознать и выработать для себя возможные пути преодоления сложившихся проблем, поскольку в рамках и на фоне существования в обществе пороки и недостатки личности растворяются в аналогичных пороках и недостатках общества, становятся менее заметными, не такими «кричащими» и вопиющими. Одновременно нивелируются любые возможные достоинства и благодетели этой личности.

Для Ф. Фюмана, современника превалирующих в обществе социалистических установок, наиболее важным познанием является роль человека в объективном историческом процессе. В результате свою историческую картину автор основывает на способностях отдельно взятого субъекта; сильное влияние индивидуальных переживаний и опыта перекрывает социально-исторические компоненты развития. Индивиду приписывается историко-образующая сила, которой он в действительности не обладает.

Достичь поставленных целей автору помогает ряд так называемых «новоприобретений» в романе. Все эти вспомогательные средства касаются, прежде всего, особенностей изображения образа главного героя – Прометея:

- повышенное внимание к психологической стороне действия;
- выдвигание образа Прометея на передний план повествования и чёткая обрисовка эволюции сознания главного героя;
- акцентирование внимания на вопросах человеческого самоопределения, познания и наличия активной творческой силы человека (в противовес бездеятельности и позиции наблюдателя), реализуемой посредством тесной взаимосвязи Прометея и матери-земли Геи (т.е. природы).

Пути преодоления сложившейся ситуации отчуждения в романе предельно однозначны – это переход от созерцания и размышления к активному действию (не сумев ассимилироваться в царстве богов, Прометей создаёт людей); гуманизация общественного развития, чёткая ориентация государства и общества в целом на признание единства социальной и биологической составляющих личности, что соответствует определению Ф. Фюманом «главного противоречия человека», которое заключается в том, «чтобы быть одновременно и природным и общественным существом...» [24, S. 161] (*перевод авторов – С. О., М. С.*).

В данном контексте следует подчеркнуть взаимосвязь между гуманизацией общества и активной позицией личности. Принцип гуманизации общественного развития в целом заключается в создании эффективных механизмов реализации свободы личности, общество не должно рассматривать личность исключительно с позиции её «функциональности» и подчинённости вектору своего развития. В романе же хорошо заметна озабоченность по поводу мнения, согласно которому, человек с завидной исключительностью воспринимается как общественное существо. Гуманизм предполагает безусловный приоритет самоценности личности. При этом любое общественное развитие начинается, прежде всего, с изменения установок отдельного члена этого общества. Индивид должен прийти к мысли об объективной необходимости преодоления неких установленных обществом границ самовыражения личности, именно эта идея и раскрывается в образе главного героя в романе. Читатель идентифицирует себя с Прометеем, который шаг за шагом учится творить мир в действительности, «наяву», по своему плану и убеждению. В условиях противостояния готового строя внешних жизненных отношений и независимой от него внутренней жизни личности автор романа призывает восстановить единство внутреннего и внешнего, человека и мира.

Таким образом, своеобразие романа «Прометей. Битва титанов» заключается, прежде всего, в акцентировании активного, деятельного участия субъекта в объективном ходе истории. Наряду со многими писателями прошлого и настоящего Ф. Фюман придерживался достойной традиции гуманизма. Он всегда связывал мысли об эволюции, о прогрессе с надеждой на то, что, несмотря на существование добра и зла, мир всё-таки будет человеческим.

Список литературы

1. **Арендт Х.** Жизнь ума / пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб.: Наука, 2013. 517 с.
2. **Вебер М.** Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
3. **Гегель Г. В.** Феноменология Духа. Философия истории. М.: Эксмо, 2007. 880 с.
4. **Гоббс Т.** Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Мысль, 2001. 216 с.
5. **Гугнин А. А.** Предисловие // Фюман Ф. Избранное: сборник / пер. с нем.; сост. и предисл. А. А. Гугнина. М.: Радуга, 1989. С. 3-25.
6. **Дубских А. И.** Концептуальные основания изучения феномена эпатажа // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. М.: Литера, 2013. № 10 (57). Ч. 2. С. 34-36.
7. **Дюркгейм Э.** Самоубийство: Социологический этюд / пер. с фр.; под ред. В. А. Базарова. М.: Мысль, 1994. 399 с.
8. **Зиммель Г.** Человек как враг // Апокалипсис смысла: сборник работ западных философов XX-XXI вв. М.: Алгоритм, 2007. С. 5-17.
9. **Иванова С. И.** Онтологический смысл феномена отчуждения человека в мировой философии [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7321> (дата обращения: 26.04.2016).
10. **Маркузе Г.** Эрос и цивилизация. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества / пер. с англ., послесловие, примеч. А. А. Юдина; сост. предисл. В. Ю. Кузнецова. М.: АСТ, 2002. 526 с.
11. **Сартр Ж.-П.** Избранные произведения. М.: Издательство политической литературы, 1992. 348 с.
12. **Соловьев В. А.** Исторические дела философии // Вопросы философии. 1988. № 8. С. 64-72.
13. **Фейербах Л.** Сущность религии (1845) [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/HRISTIAN/ATH/substanc.txt> (дата обращения: 15.05.2016).
14. **Философский энциклопедический словарь** / гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. М.: Сов. Энциклопедия, 1983. 840 с.
15. **Фихте И. Г.** Сочинения. М.: Наука, 2008. 752 с.
16. **Франк С. Л.** Душа Человека. Опыт введения в философскую психологию. М.: Изд. Г. А. Лемана и С. М. Сахарова, 1917. 252 с.
17. **Фромм Э.** Человек одинок // Иностранная литература. 1966. № 1. С. 230-233.
18. **Фюман Ф.** Прометей. Битва титанов // Фюман Ф. Избранное: сборник / пер. с нем.; сост. и предисл. А. А. Гугнина. М.: Радуга, 1989. С. 171-307.
19. **Швейцер А.** Проблема этики в ходе развития человеческой мысли [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Schweitzer/Prob_Etik.php (дата обращения: 10.10.2012).
20. **Шеллинг Ф. В.** Философские исследования о сущности человеческой свободы. СПб.: Издание Д. Е. Жуковского, 1908. 157 с.
21. **Шиллер И. Ф.** Письма об эстетическом воспитании человека. М.: Директ-Медиа, 2007. 200 с.

22. Шпенглер О. Закат Европы. М.: Наука, 1993. 592 с.

23. Ясперс К. Смысл и назначение истории / пер. с нем. М.: Республика, 1994. 527 с.

24. Fühmann F. Das mythische Element in der Literatur. Vortrag. Überarbeitete und erweiterte Fassung // Fühmann F. Erfahrungen und Widersprüche. Versuche über Literatur. Rostock: Hinstorff-Verlag, 1975. 223 S.

ALIENATION OF THE PERSONALITY IN THE NOVEL BY F. FUHMANN "PROMETHEUS. DIE TITANENSCHLACHT": PURPOSE, MEANS AND WAYS OF OVERCOMING

Ovcharova Svetlana Vladimirovna, Ph. D. in Philology
Skvortsova Mariya L'vovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
G. I. Nosov Magnitogorsk State Technical University
alexis-1@yandex.ru; mskvor@mail.ru

The article examines the phenomenon of the personality's alienation in the society by the example of the novel of the little-known in the domestic literary criticism German author F. Fühmann "Prometheus. Die Titanenschlacht" (1974). The author emphasizes the relevance of this problem in the contemporary society and draws attention to the peculiarities of its realization in the image of the main character of the novel – Prometheus, which becomes possible through the analysis of the psychological component of the phenomenon of alienation. The work reveals the purposes of using the alienation effect in the novel, the expressive means that enable the writer to achieve his goals, as well as the ways to overcome the alienation of the personality in the society proposed by the writer.

Key words and phrases: alienation of personality; contradiction; deformation of power structures; manipulation; psychologism; observer's position; isolation.

УДК: 821.161.1

Статья посвящена вопросу критического осмысления публицистики Ф. М. Достоевского в XX в., особенно в такой малоизученный период, как 1920-е гг. Автор сосредотачивается на фигурах М. М. Бахтина и А. В. Луначарского, сравнивает подходы двух критиков и помещает их в общий контекст достоевствоведения XIX-XX вв. Близкое рассмотрение взглядов Бахтина на Достоевского-публициста позволяет выявить ранее не отмечавшуюся тенденцию в трактовке журналистской части наследия писателя, а также говорить о наиболее ранних приемниках известной бахтинской теории «полифоничность», чьи связи с Бахтиным пока не анализировались.

Ключевые слова и фразы: Достоевский; «Дневник писателя»; Бахтин; Луначарский; полифоничность.

Прийма Иван Федорович

Институт русской литературы РАН
priima-ivan@yandex.ru

БАХТИН И ЛУНАЧАРСКИЙ О ПУБЛИЦИСТИКЕ ДОСТОЕВСКОГО

Достоевствоведение первых лет советской власти до сих пор во многом «земля незнакомая», особенно в аспекте изучения публицистики писателя. В тяжелый идеологизированный период часть критиков Достоевского умалчивает (В. В. Розанов), часть отбывает за рубеж (Д. С. Мережковский, митр. Антоний Храповицкий, Н. А. Бердяев); из оставшихся не каждый берет на себя смелость анализировать такие произведения, как «Дневник писателя». Постепенно положение нормализуется, и Достоевский восстанавливает себя в правах. Но на первых порах осмысление развивается в русле, проложенном демократической критикой XIX в. (М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. К. Михайловский и др.), а также марксистской критикой.

Революционный подход дал о себе знать еще до революции. Так, М. Горький в 1905 г. выступил в большевистской прессе с заявлением, что «не знает более злых врагов жизни», чем Толстой и Достоевский, характеризуя Достоевского как «писателя-мещанина» (т.е. классового врага) и примиренца (идеологического врага). Обоих крупнейших русских писателей Горький обвинял в «преступной работе» – проповеди терпения и примирения [8, с. 388-389]. На фоне такого приговора даже клеимый Горьким Достоевскому ярлык «Злого гения» [9, с. 390] (восходящий к «Жестокому таланту» Михайловского) отходил на второй план. Судя по искажению текстов, которое заметно и в последующих выступлениях, Горький плохо знал публицистическое наследие Достоевского и такому вульгарному подходу остался верен до конца жизни [7, с. 401].

Более широкое осмысление демонстрирует А. В. Луначарский. Он лучше знаком с творчеством Достоевского-журналиста и в 1929 г. предлагает собственный генезис Православной идеи из «Дневника писателя»: «уже в силу этого «эпилептического» характера социальных переживаний и социального творчества Достоевского, религия должна была играть для него значительную роль. Однако такую роль могла сыграть всякая мистическая система. Достоевский остановился на православии» [15, с. 422]. По мысли Луначарского, своим церковным социализмом писатель пробовал заменить настоящий «идеал социализма», ту «социалистическую правду», которую когда-то отверг [Там же, с. 425-426]. В другой работе (1931 г.) Луначарский озвучивал более